

Молодая баронесса Амелия — любимица императрицы Сиси. После смерти жениха Амелия отправляется во Францию, к чете маркизов де Латур, и по просьбе императрицы остается жить у них. Однажды девушка замечает, что Эдмон де Латур проявляет к ней интерес. Амелия боится признаться себе в том, что тоже испытывает чувства к маркизу, ее влечет к нему с невероятной силой. Девушка не догадывается, что он влюбился в нее много лет назад. Но ведь маркиз женат, а Амелия хранит тайну своего прошлого...

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Амелия. Сердце в изгнании

Амелия Сердце в изгнании

МАРИ-БЕРНАДЕТТ
ДЮПЮИ

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4977-6

9 786171 249776

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Амелия
Сердце в изгнании

МАРИ-БЕРНАДЕТ
ДЮПЮИ

Amélia
Un Cœur En Exil

MARIE-BERNADETTE
DUPUY

Roman

**CALMANN
LÉVY**

*Амелия
Сердце в изгнании*

МАРИ-БЕРНАДЕТТ
ДЮПЮИ

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1(71)
Д95

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Amélia, un cœur en exil
Marie-Bernadette Dupuy
Calmann-Lévy, 2017. Paris

Перевод с французского *Марии Абрамовой*

Дизайнер обложки *Александр Ландин*

ISBN 978-617-12-4977-6
ISBN 978-2-7021-6178-4 (фр.)

© Calmann-Lévy, 2017
© Hemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2017
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформле-
ние, 2017

Дорогие читатели, друзья! В эти праздничные дни я хотела бы поделиться с вами трогательным романтическим повествованием, в котором вы найдете немного истории и много любви. Это мой рождественский подарок.

Надеюсь, эта небольшая книга отвлечет вас, подарит вам приятные минуты мечтаний. Вы отправитесь по следам Амелии, чью судьбу изменила Елизавета Баварская, моя дорогая Сисси, благодаря которой я сделала свои первые шаги в писательстве...

Искренне ваша,

Мари-Бернадетт ДЮПЮИ

Предисловие автора

Мне было четыре или пять, когда мне в руки попала одна фотография. Я не знаю, откуда она взялась. Это был небольшой черно-белый квадрат бумаги с изображением прекрасного, будто сошедшего со страниц сказок женского лица, с очень длинными, собранными в косу волосами, усыпанными звездами. Этот скромный клочок бумаги стал моим сокровищем, чем-то наподобие талисмана.

Позже я узнала, что это был портрет Сисси, прекрасной императрицы Австрии, женщины с трагической судьбой.

Мое восхищение этой легендарной личностью восходит к моему детству, и я осмелюсь заметить, что это ни для кого не является секретом.

Я хотела в который раз отдать скромную дань уважения Амелии, изобразив препятствия, которые пришлось преодолеть ей, героине моего романа, юной баронессе, приближенной к императорскому двору, на пути к своей любви.

Сисси, преисполненная сострадания к прекрасной компаньонке своей дочери Марии Валерии, помогает Амелии покинуть Вену и поручает ее заботам зажиточной семьи виноделов из Шаранты. Страница

за страницей на фоне прекрасного края виноградников в книге сматывается и разматывается клубок романтических чувств.

Надеюсь, моим читателям и читательницам придется по душе это путешествие в XIX век вместе с Амелией, которой покровительствовала красавица Сисси, изображенная в этой книге в самые мрачные годы своей жизни. На написание этого романа меня вдохновили подлинные события.

Прощай, суженый

***Венское кладбище, понедельник,
12 марта 1888 года***

Амелия фон Файрлик была не в силах отойти от могилы, обильно усыпанной нарциссами и тепличными розами. Она хотела бы лечь у подножия памятника из серого камня и там умереть.

— Идемте, дитя мое, — прозвучал ласковый голос.

— Еще минутку, мадам, всего минутку...

В ответ послышалось сдерживаемое рыдание. Сжалившись, Амелия обернулась и взяла за руку женщину в глубоком трауре, лицо которой было скрыто под черной вуалью. Это была Карлотта, мать ее жениха Карла. Четыре дня назад ужасная смерть отняла его у родных и близких.

— Почему он умер, почему? — тихо спросила Амелия.

— Такова была воля Господа нашего, мое дорогое дитя, и нам остается только молиться за его душу. Вы, так же, как и я, слышали, что сказал доктор: не было никаких признаков того, что у моего горячо любимого сына столь хрупкое сердце.

Амелия бросила отчаянный взгляд на нежно-голубое небо. Воздух был ласковым, весенним, отчего смерть Карла казалась еще более жестокой.

«Я так любила тебя! — мысленно произнесла она. — Если Господь хотел наказать нас за то, что мы совершили плотский грех до свадьбы, он должен был забрать меня... меня, а не тебя...»

— Вы все еще намереваетесь уйти в монастырь, Амелия? — спросила Карлотта смиренным тоном.

— Пока не знаю. Императрица полагает, что я слишком поспешно приняла это решение, в порыве отчаяния. Но в ближайшие недели у меня не хватит мужества выполнять обязанности при дворе.

По ее лицу с необычайно изящными чертами, овал которого был достоин самой Мадонны, потекли долго сдерживаемые слезы. Темноволосая, с красивыми черными, словно бархатными, глазами и нежно-розовыми губами, баронесса фон Файрлик обладала особым очарованием, причиной которому были ее тихий чарующий голос и обольстительная улыбка.

— Невзирая на привязанность к вам, ее величество не станет противиться вашему решению посвятить жизнь Господу, — помолчав, задумчиво произнесла Карлотта.

У Амелии закружилась голова. Все произошло так стремительно... Достаточно было десяти минут для того, чтобы разорвать золоченую нить ее самых нежных упований.

Когда ей сообщили о том, что у Карла случился сердечный приступ, она вышивала в компании придворных дам. «Карл, любовь моя! Карл... Я хотела посвятить

мою жизнь именно тебе», — повторяла она, испытывая жестокие страдания и чувствуя дрожь в ногах.

Окутанная туманом печали, она, однако, вместе с матерью своего жениха, которая опиралась на ее руку, направилась к выходу с кладбища. Перед заплаканными женщинами шагал крестный отец Амелии, почтенный старик со слабеющей памятью.

«Теперь я одна на свете!» — подумала юная баронесса.

Вот уже много лет судьба, казалось, была решительно настроена на то, чтобы ее сломить. Мать умерла спустя три года после ее рождения, не подарив Амелии ни брата, ни сестры. Отец, солдат Императорской гвардии, отправил дочь в пансион при одном из монастырей. Он был мало склонен к нежности, и виделись они нечасто, а два года назад отец умер. Амелии фон Файрлик, которая осталась сиротой, да к тому же без особого состояния, посчастливилось привлечь внимание и вызвать сострадание у императрицы Елизаветы Баварской.

«Да, благодаря исключительной доброте ее величества мне удалось получить место при дворе, и я буду служить горячо любимой дочери императрицы, моей ровеснице: ей тоже двадцать...» — размышляла Амелия, пытаясь воспрянуть духом.

Мария Валерия¹, невеста эрцгерцога Франца Сальватора из тосканской ветви Габсбургов, очень скоро

¹ Мария Валерия Габсбургская, последний ребенок знаменитой Сисси, рожденная в Венгрии в 1868 году; эрцгерцогиня Австрийская и принцесса Венгерская. (Здесь и далее примеч. автора, если не указано иное.)

по достоинству оценила очаровательную компаньонку с изысканными манерами и превосходно образованную.

— Не торопитесь, пусть ослабнет ваша боль утраты, дорогая моя Амелия, — сказала она накануне, ласково пожимая ей руки. — Но не покидайте нас...

Теперь же, скрывая лицо за черной вуалеткой, Амелия, снедаемая горем, уже не надеялась на то, что вновь обретет смысл жизни. Потеряв Карла, она потеряла все: свою честь, мечту о тихом домашнем очаге и встречах с любящими родственниками со стороны супруга.

«Я уйду в монастырь! — решила она, осеня себя крестным знамением. — Светская жизнь больше не интересуется меня».

Хофбург, вторник, 27 марта 1888 года

Прошло две недели. Запершись в своих покоях, Амелия много молилась и плакала. Она была не в силах смириться со смертью жениха. Однако за последние три дня ее печаль сменилась коварным страхом, погружающим ее в подобие постоянного кошмара.

В этот вечер, сидя у окна, она теребила в руках пропитанный духами платок: их аромат помогал ей справиться с приступами тошноты.

«Я беременна! — ошеломленно повторяла она. — Больше не может быть никаких сомнений».

Поначалу юная баронесса приписывала задержку месячных эмоциональному шоку, но затем, когда ее стали одолевать внезапные приступы отвращения

к пище и головокружения, ей пришлось признать очевидное. В ее истерзанном скорбью теле ютилось крошечное создание — ребенок Карла.

— Господи, прости меня! — тихо взмолилась она. — Боже, что меня ждет?

Амелии казалось, что она находится на краю жуткой пропасти. Побледнев, она сквозь слезы бросала отчаянные взгляды на окружающее ее убранство: вскоре все это окажется для нее под запретом.

«Мне остается только одно: тоже умереть! — внезапно подумала она. — Но не здесь... Если я утоплюсь в Дунае, все подумают, что я не перенесла потери жениха, и никто не узнает, что у нас была любовная связь, что я жду ребенка, нашего ребенка...»

Из ее груди вырвалось отчаянное рыдание. Она вспомнила лицо Карла в ореоле светлых кудрей, вспомнила его поцелуи, его объятия, мольбы отдаться ему: дата их свадьбы была уже близка. Амелия, которая казалась весьма благоразумной, обладала страстной натурой: она уступила, очарованная таинством наслаждения и взаимной любви.

Задыхаясь от невыносимой душевной боли, молодая женщина не услышала стука в дверь. Она очнулась лишь после того, как в дверь еще дважды постучали, уже сильнее.

— Входите, — отозвалась она, поспешно промокая свои влажные от слез щеки.

В дверном проеме показался женский силуэт. Амелия узнала Иду Ференци, компаньонку императрицы.

— Ее светлость желает вас видеть, баронесса.

Растерянная, Амелия поднялась и нерешительно склонилась в реверансе. Спустя мгновение до нее донесли шелест платья и тихое перешептывание.

— Мое дорогое дитя, я волновалась о вас, — слышался мягкий приглушенный голос, узнаваемый из тысячи других голосов.

Ида Ференци удалилась, двигаясь почти бесшумно, а императрица, вся в черном, подошла ближе. Ее роскошные золотисто-каштановые волосы были заплетены в косы. Легендарная красота Елизаветы была неподвластна времени. Подобно художнику, преисполненному почтения к своей удивительной натурщице, оно сделало ее черты еще более совершенными, не испортив при этом ни грациозной посадки ее головы, ни идеального очертания ее губ и скул. Чувствовалось, что эта женщина рождена властвовать.

— Ваше величество...

— Амелия, я беспокоилась о вас, Мария Валерия — тоже. Я знаю, как сильно вы страдаете, как глубока ваша скорбь, однако вскоре вам придется вернуться ко двору.

— Ваше величество, я бесконечно благодарна вам за то, что навестили меня, — ответила растроганная молодая женщина. — Я не заслуживаю подобной доброты, нет, в самом деле, я ее недостойна...

Амелия растерянно взглянула на красивое лицо императрицы, отмеченное печатью глубокой меланхолии. В ее мрачном взгляде читалась терзавшая душу скорбь.

— Простите меня, ваше величество, — наконец произнесла она.

— За что мне следовало бы вас простить? За ваше намерение постричься в монахини, из-за которого попадает в уныние моя дорогая дочь?

— Ваше величество, я не могу ни остаться при дворе, ни уйти в монастырь, — призналась она. — Я хотела бы умереть, ведь отныне достойная уважения жизнь для меня невозможна. Вы понимаете? Я не знаю, к кому мне обратиться в сложившейся ситуации. — Амелия инстинктивно положила руку на живот.

Слова слетели с ее губ так, словно скрыть правду от единственного человека, способного понять ее и простить, не представлялось возможным.

— Думаю, я вас понимаю, — ответила императрица. — Или скорее так: юная Сисси из Поссенхофена поняла бы вас... Амелия, вы послушались своего сердца, забыли о бремени приличий и строгого воспитания, а рядом не было матери, которая нежно любила бы вас, которая дала бы вам совет. Я не могу вас осуждать. Но умереть в вашем возрасте... Нет! Именно это было бы, на мой взгляд, единственным вашим грехом. Ребенок, которого вы носите, должен придать вам мужества. Дорогая, я помогу вам, прошу вас, не плачьте...

— Спасибо, ваше величество, спасибо! — проговорила сквозь рыдания Амелия.

Она встала на колени и почтительно поцеловала руку своей госпожи.

— Поднимитесь, Амелия. Мы одни, а значит, можем избавиться от масок и не играть предписанные нам роли, — ласково произнесла императрица.

— Хорошо, ваше величество.

— Постигшая вас трагедия пробудила во мне тягостное воспоминание о первой потере, разбившей мне сердце. Мне было четырнадцать, я любила парня, который был чуть старше меня, — Рихарда, одного из придворных моего отца. Будучи мелкопоместным дворянином, он не мог претендовать на мою руку, но я мечтала о том, чтобы стать его женой, я по-настоящему любила его, Амелия. Увы, он умер от туберкулеза. Я была безутешна, я не понимала, почему судьба так жестока, не понимала, как может уйти из жизни юное создание, только начинавшее жить...

Баронесса понимающе кивнула; она была растрогана, глаза блестели от слез. Императрица пристально смотрела на пламя керосиновой лампы; на ее бледных губах играла едва заметная улыбка.

— Да, я хотела бы помочь вам, дорогая, поскольку знаю, как исстрадалась ваша душа. Вы покинете Австрию. Ребенок, которого вы носите, должен жить, в память о моей малышке Софи. Если бы вы знали, какую невыносимую боль испытывает мать, глядя на бездыханное тело своего ребенка... Я до сих пор чувствую себя виноватой в том, что взяла ее с собой в Венгрию. Ей было два года... А моя свекровь¹ твердила, что я убила собственную дочь.

За три проведенных при дворе года Амелия слышала о многом и знала о горестях государыни.

Ее величество заболела. Рождение Рудольфа сильно ослабило ее организм. Поговаривали, будто импе-

¹ Эрцгерцогиня София, мать Франца Иосифа I.

ратор изменял супруге, вновь вступая в связь с ветреными графинями, к которым частенько наведывался до брака.

— Возможно, наш род, род Виттельсбахов, проклят, — продолжила императрица. — Стоит мне подумать о Людвиге, моем горячо любимом кузене... Однако этим вечером мои мысли будут устремлены к вам, Амелия. Я так мало сплю... Завтра утром я придумаю, как вас спасти, защитить. Не теряйте надежды...

— Обещаю, ваше величество.

Париж, воскресенье, 8 апреля 1888 года

Фиакр катил вдоль набережной Сены, очень оживленной в это послеполуденное время. Пениш¹ спускался по реке, поверхность которой сверкала под лучами весеннего солнца. После бесконечной поездки в поезде Амелия открывала для себя Париж. Ее сопровождала одна из компаньенок императрицы, графиня Мария Фештетич, венгерка, как и Ида Ференци.

— Графиня, что за величественное сооружение возвышается там, на ближнем к нам берегу? — спросила молодая женщина.

— Дворец Лувр, баронесса, бывшая резиденция французских королей. Отель по улице Риволи, в котором мы поселимся, расположен недалеко.

¹ Тип грузового речного судна, распространенный в основном в Бельгии, Нидерландах и Франции. (*Прим. пер.*)

«Ле Мерис»¹ — заведение высокого уровня, там останавливается вся европейская знать.

— По правде говоря, меня смущает непривычная обстановка, — призналась Амелия. — Нужно столько всего увидеть!

— Ее величество поручила мне развлекать вас, баронесса, показать вам красоты и достопримечательности французской столицы. Мы прогуляемся по саду Тюильри и сможем полюбоваться знаменитой стальной башней, возведением которой занимается месье Гюстав Эйфель. В следующем году она станет главным экспонатом Всемирной выставки.

Амелия кивнула, слабо улыбнувшись. Ей так хотелось, чтобы Карл был рядом, так хотелось разделить с ним каждое мгновение этого неподвижного путешествия.

— Императрица была чрезвычайно добра ко мне, — тихо сказала она, едва не плача. — У меня такое ощущение, словно меня незаслуженно поощряют, ведь я так дурно поступила...

Мария Фештетич бросила на нее растерянный, однако доброжелательный взгляд.

— Вы действительно хотели умереть, баронесса? — вполголоса спросила она.

— Да. Я не видела другого выхода. В тот благословенный вечер, когда ее величество навестила меня, я представляла, как бегу к Дунаю, чтобы утопиться

¹ Одна из первых гостиниц в Париже, начала функционировать в 1835 году.

и таким образом искупить свою вину. Чтобы не было больше ни страданий, ни страха.

— Вы причинили бы нам ужасную боль. Слава Богу, вы здесь, рядом со мной, живы и здоровы. Ничего не бойтесь, ее величество сочла нужным отправить вас к надежным друзьям. Там вы найдете убежище и поддержку. Часто случается так, что путешествия, благодаря разнообразию пейзажей и новой обстановке, смягчают горечь утраты. Рассудок впитывает все новое, и страдания становятся менее тягостными.

— Вы правы, графиня. Позвольте еще раз поблагодарить вас за то, что вы сопровождаете меня.

После этих слов Амелия погрузилась в созерцание города; она наблюдала за куда-то спешащими горожанами или же прогуливающимися в тени деревьев зеваками. Молодые женщины в светлых нарядах, смеющиеся и беззаботные, помахивали своими зонтиками.

«Я должна быть сильной, не сетовать более на судьбу, — прошептал ее внутренний голос из глубин израненной души. — Императрица спасла меня от бесчестья. Она помогла мне сбежать из Вены, тем самым проявила неслыханную щедрость. Я никогда не забуду, чем обязана ей».

При мысли о столь почитаемой ею госпоже баронессе Амелию фон Файрлик накрыла горячая волна любви к ней.

«Как настрадалась малышка Сисси из Поссенхофена! — подумала она. — Я оплакиваю моего жениха, однако ее величество потеряла своего первенца,

девочку Софи, в самом нежном возрасте. Я знаю также, что на нее очень повлияла ужасная гибель ее кузины Матильды: та умерла от страшных ожогов в результате того, что спрятала за спину сигарету, которую курила, и ее пропитанное глицерином платье загорелось. А два года назад горячо любимого кузена императрицы, короля Людвига II Баварского, нашли утонувшим в Штарнбергском озере.

До этого дня Амелия ни за что не осмелилась бы с такой нежностью думать об императрице как о женщине. Находясь вдали от Австрии, она представляла себя подругой блистательной Елизаветы Виттельсбах, в шестнадцать с половиной лет вступившей в брак с Францем Иосифом. Она даже находила удовольствие в том, чтобы мысленно называть Сисси прозвищем, придуманным самой императрицей в присутствии Амелии, — «малышка Сисси из Поссенхофена» — и представлять, как она скачет на лошади во весь опор и ее роскошные волосы развеваются на ветру.

Мария Валерия рассказала Амелии несколько забавных историй о юности своей матери и фантазиях баварского дедушки, герцога Максимилиана. Они были очень близки, оба увлекались верховой ездой и превыше всего ставили независимость. Случалось так, что они, решив следовать за странствующим цирком, на несколько дней отлучались из Поссенхофена.

«Сисси не была счастлива при дворе. Она чувствовала себя изолированной, оторванной от семьи, а ее свекровь, эрцгерцогиня София, препятствовала тому, чтобы Сисси самостоятельно занималась воспитани-

ем своих детей, во всяком случае, первых троих. Именно поэтому госпожа так искренне и нежно любит Марию Валерию...»

Фиакр остановился перед отелем «Ле Мерис», положив конец размышлениям Амелии. Впечатляющий вид этого заведения и роскошный интерьер вновь привели баронессу фон Файрлик в замешательство.

— Я не заслуживаю ничего из этого, — сказала она Марии Фештетич. — Все мое состояние — это драгоценности матери, четыре платья и одно манто. Признаюсь, мне очень неловко.

— Я выполняю указания ее величества, мое дорогое дитя.

— В таком случае я вынуждена повиноваться, — пошутила Амелия. — Откровенно говоря, я хотела бы сразу же лечь в постель. Путешествие утомило меня, и у меня совсем нет аппетита.

— Делайте так, как посчитаете нужным. Могу ли я поделиться с вами своим наблюдением, баронесса?

— Естественно.

— Отсутствие у вас любопытства удивляет меня. Вы не задали мне ни единого вопроса, ни о том, куда мы направляемся, ни о том, кто будет заботиться о вас.

— Я полностью полагаюсь на выбор императрицы. И я уверена в том, что она все устроила наилучшим образом. Завтра у нас будет время это обсудить.

— Хорошо, отдохните. Мне не терпится прогуляться с вами по Парижу, Амелия. Мы далеко от императорского двора, поэтому... могу ли я вас так называть?

— Я буду очень этому рада.

Женщины попрощались, склонившись в легком реверансе. Очутившись наконец в одиночестве в своем номере, который, однако, был соединен с номером Марии Фештетич, молодая женщина присела на край кровати и дала волю слезам.

Несмотря на облегчение, которое она испытала, избежав позора и порицания двора, где все обязаны были следовать строжайшим правилам, Амелия отдала бы десять лет жизни, чтобы вновь увидеть Карла, прикоснуться к его щеке, сжать его руки. Ей было больно вспоминать, каким он был при жизни, со свежим цветом лица и ослепительной улыбкой. Ее мучило неотступное отвратительное видение: его стройное, обездвиженное смертью тело, его невозмутимое восковое лицо.

— Боже мой, Карл, любовь моя, почему я потеряла тебя, почему? Я ношу твоего ребенка, но, увы, у меня, несомненно, не будет права ни воспитать его, ни обрести в нем тебя.

Амелия долго плакала. Будущее ребенка, которого она произведет на свет грядущей зимой, представлялось ей весьма туманным.

*На пути в край
виноградников*

На следующий день, сад Тюильри

Мария Фештетич и Амелия спокойным шагом прогуливались вдоль берега одного из водоемов в саду Тюильри. Ласковое апрельское солнышко расцветивало воду фонтана всеми цветами радуги, воздух был свеж, слышались детский смех и щебетание птиц. Молодые женщины любовались многочисленными статуями, украшающими газоны, элегантной архитектурой оранжереи¹.

— Вам нравится Париж? — любезно поинтересовалась Мария.

— В Париже нет ничего, чему могла бы позавидовать Вена: у нас есть великолепные сады, столь же величественные дворцы. Но признаю: в этом городе

¹ Здание оранжереи было построено в 1852 году для сохранения апельсиновых деревьев в зимнее время. Ныне это крупная картинная галерея. (Прим. пер.)

царит особая атмосфера, ему присущ какой-то иной шарм, — ответила Амелия.

— Ваши красивые глаза все еще покрасневшие, баронесса. Вы плакали...

— Да, часть ночи я проплакала, у меня нет причин скрывать это от вас. Однако этим утром я чувствую себя лучше, не беспокойтесь. Я должна быть мужественной, тем самым выражая свою благодарность ее величеству. И, безусловно, вам.

— Императрица будет довольна, когда я передам ей ваши слова. А сейчас пойдемте завтракать. Сегодня во второй половине дня мы найдем фиакр, чтобы вблизи полюбоваться знаменитой башней господина Эйфеля.

— Завтра мне придется попрощаться с вами. Дальше мне предстоит путешествовать самостоятельно. Вы сказали, что мой поезд отходит от Орлеанского вокзала...

— Совершенно верно. Я запишу вам название станции, на которой вам нужно будет выйти. Маркиза де Латур лично будет встречать вас на вокзале. Она так счастлива принять вас!

Терзаемая сильным беспокойством, Амелия присела на скамейку. Она, сжав руки в черных кружевных перчатках, вцепилась пальцами в ручку зонтика.

— Настало время дать волю моему любопытству, — сказала она. — Проснувшись, я стала задаваться вопросами. Каким образом ее величество завязала знакомства во Франции? Мне известно, что наша императрица часто путешествует, но когда нам случалось поболтать с Марией Валерией, она рассказывала мне о поездках в Париж, главным образом о нескольких

неделях, проведенных в одном из поместий Нормандии, когда ей было семь лет. Врачи рекомендовали ей дышать морским воздухом.

Мария Фештетич с удовлетворенным видом присела рядом с юной баронессой.

— Тогда императрица и познакомилась с маркизой Софи де Латур. Это произошло во дворце Сассто. Маркиза была очаровательной молодой женщиной, очень светловолосой. На тот момент она только что вышла замуж. Ее величество попросила у Софи ее фотографический портрет для своей коллекции и умоляла высылать ей при случае снимки прелестных француженок.

На лице Амелии появилась задорная улыбка, впервые с тех пор, как умер Карл. Близкие Сисси знали о пристрастии императрицы к коллекционированию женских портретов. С этой целью Елизавета вела обширную переписку с многочисленными корреспондентами из Европы.

— Так вот в чем дело! — сказала она.

— Есть еще кое-что, — продолжила Мария. — Отец Эдмона де Латура, супруга Софи, был виноделом. Он занимался производством коньяка, спиртного напитка, который очень ценится во всем мире, даже при королевских дворах. Его дело продолжил сын, и теперь в коллекции спиртных напитков семьи Габсбургов числится о-де-ви¹ из поместья Бельвю. Ее

¹ О-де-ви (франц. *eau-de-vie*, «вода жизни») — общее название крепких алкогольных напитков, изготавливаемых методом перегонки фруктового сырья. (Прим. пер.)

величество угостила меня этим напитком в королевском дворце Гёдёллэ¹. Заказами и поставками занимается местье Мишель Косм, управляющий поместья семьи Латур. Вы окажетесь в сокровищнице виноградарства, в «стране золотого янтаря»², как пишет маркиза. Климат там мягкий благодаря близости океана.

— Боже мой, я робею при мысли о том, что буду жить у посторонних людей. Узнав, в какой ситуации я оказалась, они посчитают, что я легкомысленная особа.

— Не думайте об этом, доверьтесь императрице. Она бы никогда не поручила заботиться о вас бессердечным, черствым людям. Ах, я чуть было не забыла об одном из наставлений ее величества: у Латуров вам следует представляться вдовой. Правда будет известна только им, лучше, чтобы их знакомые, да и слуги тоже, не знали о случившемся. К тому же так вам не придется скрывать ваше положение.

— Теперь, когда я об этом узнала, мне стало легче, графиня. Ее величество определенно продумала каждую деталь, и вы еще раз поблагодарите ее от моего имени.

— Бесспорно. А теперь пойдете. Пора обедать, я проголодалась.

— Я тоже, — призналась Амелия, удивляясь тому, что к ней понемногу возвращается аппетит. — Я с волнением думаю о том, что завтра мы расстанемся, гра-

¹ Королевская резиденция императрицы, подарок венгерского народа императору и его супруге.

² Золотой янтарь — здесь: коньяк.

финя. Пока вы рядом, мне кажется, что я все еще в Австрии, в Вене...

— У вас не было выбора, баронесса. Остался один совместный вечер... Так давайте же проведем это время с удовольствием!

*Орлеанский вокзал, на следующее утро,
вторник, 10 апреля 1888 года*

Выходя из фиакра, баронесса Амелия фон Файрлик оступилась. Мария Фештетич протянула ей руку, чтобы поддержать.

— К счастью, кринолин вышел из моды, — с лукавой улыбкой заметила она. — В нем передвигаться было еще тяжелее.

— И все же я была бы не прочь его носить, — призналась Амелия. — Я помню, как на одном из вечерних балов мама была в кринолине из розового тюля. Я хотела спрятаться под ее юбками, чтобы пойти на бал вместе с ней. Простите меня, графиня, конечно же, не стоит говорить о подобных пустяках в минуту расставания.

— Иногда пустяки помогают нам развеять печаль, Амелия. Надеюсь, вы немного успокоились. Вчера вечером ваши слезы разбили мне сердце.

— Я еду в неизвестность, поэтому так тревожусь. Вы, пожалуйста, не рассказывайте об этом ее величеству. Нам удалось подойти к башне месье Эйфеля: я до сих пор под впечатлением. Какое выдающееся творение! Думаю, что, как вы и утверждали, это диковинное сооружение поразит посетителей Всемирной выставки.

Оказавшись в скором времени в толпе пассажиров и носильщиков, женщины вынуждены были прервать беседу. Мария Фештетич проследила за тем, чтобы с дорожной сумкой Амелии обошлись как следует, затем провела баронессу по перрону к вагону. Огромный стеклянный купол пропускал солнечный свет, но было душно, неприятно пахло смолой, железом и гарью.

— Поднимайтесь скорее, в вагоне вам будет легче дышать, — со вздохом произнесла заботливая венгерка.

Едва Амелия устроилась в купе первого класса, как, несмотря на теплые слова попечительницы, ее охватила дрожь.

— Смогу ли я написать вам, графиня? Или же ее величеству? — спросила она тоненьким детским голоском, выглядывая из открытого окна.

— Вам придется это сделать: мы хотим, чтобы вы давали о себе знать.

— А ребенок? Что его ждет? Во Франции я никого не знаю... Когда я смогу вернуться ко двору?

Бледная, испуганная, молодая женщина путалась в словах. Растроганная Мария Фештетич погладила ее по щеке:

— Императрица не оставит вас, Амелия. Думаю, что, когда придет время, она предложит наилучший выход из ситуации. А пока этого не произошло, мое несчастное дорогое дитя, носите траур, отдыхайте вдали от всех тех, кто, несомненно, стал бы вас порицать. И последнее: во Франции называйтесь баронессой Файрлик или же де Файрлик. До сви-

дания, Амелия, ведь мы скоро увидимся, я в этом уверена...

— Надеюсь, графиня.

В дороге Амелия не раз повторяла про себя последние слова Марии, столь многообещающие. Убаюканная движением поезда, она погрузилась в созерцание пейзажей: широкие долины чередовались с лесистыми холмами. Во время остановок она пыталась отвлечься, рассматривая лица людей на перроне. Ей казалось, что французы любят шуметь, веселиться и активно жестикулировать.

Когда, посмотрев на часы, Амелия поняла, что на следующей остановке ей пора выходить, ее сковал страх, да так, что из глаз потекли слезы.

«Моя жизнь меняется, она больше никогда не будет прежней! — подумала молодая женщина. — Мне предстоит столкнуться с неизвестностью, плыть по течению, словно хрупкая лодочка по бурной реке. Но я не знаю, куда плывет мой челн, не знаю, могу ли я заблудиться или утонуть по пути».

Мария Фештетич завершила Амелию в том, что маркиза Софи де Латур будет ждать ее в Сенте. Когда пришло время покинуть купе, баронесса, печалась и иронизируя, подумала: «Вот и конечная остановка. Так объявил начальник станции, когда мы прибыли в Париж!»

У нее не было времени поразмышлять над этим. Когда она вышла на перрон, какая-то женщина в зеленом шелковом наряде, очень хорошенькая, бросилась к Амелии и сжала ее руку. Ее светлые волосы были

искусно причесаны; на голове красовалась шляпка из органди, украшенная цветами из той же ткани, что и платье. Амелия знала, что ей тридцать четыре, однако выглядела она моложе своих лет.

— Баронесса фон Файрлик? Амелия фон Файрлик?

— Да, мадам... мадам де Латур?

— Слава Богу! Я боялась ошибиться, но по вашему очаровательному акценту я понимаю, что моя драгоценная гостья — это вы!

Столь восторженное приветствие вызвало у Амелии сильные эмоции. Она хотела вежливо ответить, но не находила слов.

— Пойдемте, мой кучер займется вашей сумкой. Давайте поскорее покинем это место, дорогая моя баронесса, — произнесла Софи де Латур своим высоким певучим голосом. — Если бы вы знали, какая это честь для меня — принимать вас, заботиться о вас. Императрица не могла более убедительно засвидетельствовать свое дружеское расположение ко мне. Скажите же скорее, как она?

— Ее величество не жалуется на здоровье, однако после смерти ее кузена, короля Баварии, ее терзают душевные страдания. И я ваша должница, так что называйте меня просто Амелией.

— Боже, как вы милы! И как красивы! — восхищенно вздохнула ее будущая хозяйка.

Софи де Латур увлекла ее за собой из вестибюля вокзала к внушительного вида карете с широкими, наполовину опущенными окнами. Карета была запряжена четверкой сильных белых лошадей. Какой-то подросток держал одну из них за уздечку.

— Садитесь скорее, Амелия. Я, чтобы не опоздать к прибытию поезда, приехала на час раньше. Должно быть, я кажусь вам несдержанной, но я по-настоящему счастлива, да, по-настоящему. Ох... счастлива и бестактна. Я забыла о постигшем вас горе.

— Вы не должны винить себя в этом, мадам. Я хочу, чтобы вы знали: ваша радость придает мне сил.

— Это очень мило с вашей стороны, Амелия. Я чувствую, что мы с вами найдем общий язык. Но, главное, повторюсь: не обижайтесь на меня за то, что я такая взбалмошная. Если бы меня сопровождал мой супруг, он наверняка посмеялся бы надо мной. Получив телеграмму от ее светлости, я едва не потеряла сознание. Ведь ее так следует называть? Поверьте, душа моя: наиболее ценны для меня воспоминания о мгновениях визитов к императрице во время ее пребывания в Нормандии. Я в подробностях опишу вам, при каких обстоятельствах меня представили императрице. Ах да, ваше путешествие прошло благополучно?

Оглушенная обрушившимся на нее потоком слов, Амелия довольствовалась сдержанным кивком. Даже если бы у нее возникло желание ответить Софи де Латур, у нее не было бы такой возможности.

Двадцать минут спустя карета катилась по мостовой, сопровождаемая хором скрипов колес и стуков подкованных железом копыт. Одна из лошадей пронзительно заржала и, ударив копытом о землю, пустилась крупной рысью, увлекая за собой своих сородичей. Сумку Амелии кучер привязал к запяткам кареты.

Наконец маркиза замолчала, удовлетворенно вздохнув: красота баронессы фон Файрлик превзошла все

ее ожидания. К тому же она бегло говорила по-французски, и это было еще одним ее достоинством. Софи представляла ее более заурядной, но теперь, увидев, что Амелия очень красивая и утонченная женщина, маркиза ликовала. Лишь об одном она сожалела.

«Жаль, что она носит траур! Господи, черный цвет ей совсем не к лицу...» — сетовала маркиза.

— Ваше поместье находится далеко от Сента? — неожиданно спросила Амелия.

— Нам предстоит находиться в пути два часа. Мы пересечем Коньяк, очень приятный город. Я покажу вам самые выдающиеся памятники архитектуры.

— Коньяк? Город назвали так именно благодаря о-де-ви, напитку, безупречной репутацией которого хвасталась мадам Фештетич?

— Скорее наоборот: город дал свое название этому божественному напитку, сделавшему наш край процветающим. Но прошу вас, Амелия, расскажите мне немного об императрице, да, расскажите мне о Ней, «Она» всегда с большой буквы: именно так я мысленно обращаюсь к императрице в своих письмах. Она — самая красивая женщина Европы, а еще — одна из лучших наездниц. Знаете, в Нормандии, во дворце Сассто, я видела, как она ездит верхом. О визите императрицы говорили все, однако приближалось лето, а она все не приезжала. Я умолила Эдмона отложить наш отъезд — не хотела упустить возможности увидеть императрицу Австрии. Она арендовала замок под именем графини Гоге-нембс, однако все знали, кто на самом деле должен был там остановиться. Наконец на императорском

Содержание

Предисловие автора	7
1. Прощай, суженый	9
2. На пути в край виноградников	23
3. Поместье Бельвю	35
4. Шипы воспоминаний	46
5. Праздник в поместье	63
6. Золотая западня	79
7. Визит императрицы	94
8. Тетя Каролина	111
9. Рука судьбы	127
10. Цена, которую приходится платить	143
11. Амелия	157
12. Любовные тайны	171
Эпилог	187

Літературно-художнє видання

ДЮПЮЇ Марі-Бернадетт
Амелія. Серце у вигнанні
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактори *В. М. Комісарова, В. Ю. Степанов*
Художній редактор *В. О. Трубчанінов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Альошичева*

Підписано до друку 06.07.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 10,08. Наклад 10000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ДЮПЮИ Мари-Бернадетт
Амелия. Сердце в изгнании
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редакторы *В. М. Комиссарова, В. Ю. Степанов*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Алешичева*

Подписано в печать 06.07.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 10,08. Тираж 10 000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефону справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Молода баронеса Амелия — улюблениця імператриці Сісі. Після смерті нареченого Амелія вирушає до Франції, до подружжя маркізів де Латур, і на прохання імператриці залишається жити в них. Одного разу дівчина помічає, що Едмон де Латур виявляє до неї неабиякий інтерес. Амелія боїться зізнатися собі в тому, що теж має почуття до маркіза, її вабить до нього з неймовірною силою. Дівчина не здогадується, що він закохався в неї багато років тому. Але ж маркіз одружений, а Амелія зберігає таємницю свого минулого...

Дююи М.-Б.

Д95 Амелия. Сердце в изгнании : роман / Мари-Бернадетт Дююи ; пер. с фр. М. Абрамовой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 192 с.

ISBN 978-617-12-4977-6 (Украина)

ISBN 978-2-7021-6178-4 (фр.)

Молодая баронесса Амелия — любимца императрицы Сиси. После смерти жениха Амелия отправляется во Францию, к чете маркизов де Латур, и по просьбе императрицы остается жить у них. Однажды девушка замечает, что Эдмон де Латур проявляет к ней интерес. Амелия боится признаться себе в том, что тоже испытывает чувства к маркизу, ее влечет к нему с невероятной силой. Девушка не догадывается, что он влюбился в нее много лет назад. Но ведь маркиз женат, а Амелия хранит тайну своего прошлого...

УДК 821.133.1(71)